

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> приятного чтения!

Шутники. Александр Николаевич Островский

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЛИЦА:

Павел Прохорович Оброшенов, отставной чиновник.

Анна Павловна, 25-ти лет; |

Верочка, 17-ти лет – дочери его.

Александр Петрович Гольцов, очень молодой человек, чиновник.

Филимон Протасьич Хрюков, богатый купец, 60-ти лет.

Недоносков; Недоростков, молодые люди, одетые по последней моде.

Небольшой садик, направо крылечко и окно дома; прямо забор; в нем, рядом с домом, калитка; налево забор. Под деревом круглый стол и несколько стульев.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна Павловна сидит у стола с работой и Павел Прохорович Оброшенов сходит с крыльца. В руках у него лист бумаги и чернильница с пером.

Оброшенов. Ну, секретарь мой, пиши!

Анна Павловна. Что прикажете?

Оброшенов. Пиши: «В сем доме отдаются три комнаты в мезонине, о цене узнать от хозяина одного дома». Пиши крупнее! Что ты будешь делать! Пятую записку срывают. Уж теперь повыше прибью, не достанут. Вот так! Вот хорошо, разборчиво. Теперь всякий прочтет. Ну, а прочитают, может и наймут. Сама ты посуди, четвертый месяц квартира пустая стоит; а ведь она шесть рублей в месяц ходит; а шесть рублей для нас деньги. (Подымает руку с запиской.) Если ее вот так прибить, можно будет прочесть?

Анна Павловна. Можно, папенька.

Оброшенов. А ты читай, читай!

Анна Павловна. Да ведь я сама же и писала.

Оброшенов. Нужды нет, а ты все-таки читай!

Анна Павловна (читает). «В сем доме отдаются три комнаты в мезонине, о цене узнать от хозяина одного дома».

Оброшенов. Ну да, от хозяина; хозяин сейчас покажет комнаты, уговорит, умаслит. Хе, хе, хе! Вот! у нас и наймут, вот мы и богаты. Другой, может быть, давно ищет квартиры, ну, бедный человек какой-нибудь ходит по улицам, ему и нужно три комнаты, а записки на воротах нет, сорвана, он и не знает, что здесь отдается, и идет мимо. Нет, уж теперь кончено! Как поймаю, сейчас к квартальному сведу.

Анна Павловна. Кто же это, папенька, срывает?

Оброшенов. Соседи, соседские ребята, богатых отцов дети озорничают. То ли еще они делают! От них проходу нет по улицам: понаделают трубок, через забор на прохожих водой брызгают; краской шляпы мажут; женщинам к платкам записочки прикалывают. А отцы только утешаются на своих чадов.

Анна Павловна. Или утешаются, или бьют чем ни попало.

Оброшенов. А поди жаловаться, над тобой же насмеются. «У тебя, видно, говорят,

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru такой же ум-то, как у ребенка. Мол – глуп, ну и балует; вырастет, умнее будет, перестанет баловать». Только неправда это, Аннушка, неправда! Умней они не бывают. Я сорок лет здесь живу, всех знаю; вырасть – выростут, и рукой его не достанешь, а ум все тот же. А то вот одному недавно стал жаловаться на сына; а он мне что сказал! «Я, говорит, до семи бед коплю, у меня положёное, это еще третья. Как семь бед сделает, так отстегаю». А другой говорит: «ты служил?» – «Служил, говорю». – «Отчего ж на тебе кавалерии нет? Кабы была кавалерия, никто б тебя не посмел тронуть; значит, ты сам виноват». Вот с ними и толкуй! Да и жаловаться-то нельзя. «Ты, говорят, все с претензиями, ты беспокойный сосед, ты претендент!» Аннушка, какой же я претендент! Какой я претендент! Ну, и терпишь, потому что ссориться с ними нельзя, кушать будет нечего. Мы от них же крохами побираемся. Поссорься с одним, с другим, так и придется зубы на полку положить. А вот я со всеми в ладу, я все больше шуточкой, шуточкой, а где так и поклонами. Оно точно, что на тебя как на шута смотрят, да зато кормимся.

Анна Павловна. Папенька!

Оброшенов. Что, дочка?

Анна Павловна. Неужли нельзя обойтись без этого?

Оброшенов. Без чего? Без шутовства-то?

Анна Павловна. Да, папенька, без унижения. Нам жалко вас.

Оброшенов. Не жалко вам, а стыдно за меня, стыдно, вот что. Ты думаешь, я не вижу? Вижу, Аннушка, давно вижу.

Анна Павловна. Вы, папенька, в таких летах! Мы вас так любим. Нам с сестрой хотелось бы, чтобы вас все уважали.

Оброшенов. Мало ль чего нет! Где уж нам! какое уважение! Были бы сыты, и то слава богу. Не до жиру, дочка, не до жиру, быть бы живу!

Анна Павловна. А какво смотреть-то на вас!

Оброшенов. Ну, что ж делать-то! И рад бы в рай, да грехи не пускают. Ты, может, думаешь, что я всегда такой был? Ну, нет, брат. Смолоду я сам был горд. Как еще горд-то, Аннушка! Ужас как горд! Как женился я на вашей матери да взял вот этот домишко в приданое, так думал, что богаче да лучше меня и людей нет. Фертом ходил! Ну, а там пошли дети, ты вот родилась, доходов стало не доставать, надобно было постороннюю работишку искать; тут мне форс-то и сбили. Сразу, Аннушка, сбили. Первое дело я сделал нашему соседу, и дело-то небольшое: опеку ему неподходящую дали, надо было ее с рук сбить! Обделал я ему это дело, позвал он меня да еще секретаря с чиновниками из суда в трактир обедом угощать. И какой чудак, право ведь чудак! Сидит, ничего не говорит, весь обед молчал; только посидит-посидит да всей пятерней меня по волосам и по лицу и проведет. Ах ты, батюшки мои! Что ты будешь с ним делать? Я было в амбицию. Только тут один чиновник, постарше, мне и говорит: ты обидеться не вздумай! Ни копейки не получишь: он не любит, когда обижаются. Нечего делать, стерпел: ну и принес жене три золотых; а не стерпи я, так больше пяти рублей ассигнациями бы не дал. Много я после с него денег перебрал. Вот так-то меня сразу и озадачили. Ну, а потом, как пошел я по делам ходить, спознался с богатыми купцами, там уж всякая амбиция пропала. Тому так потрафляй, другому этак. Тот тебе рыло сажай мажет, другой плясать заставляет, третий в пуху всего вываляет. Сначала самому не сладко было, а там и привык, и сам стал паясничать и людей стыдиться перестал. Изломался, исковеркался, исказил себя всего, и рожа-то какая-то обезьянья сделалась.

Анна Павловна. Ах, папенька!

Оброшенов. Что «папенька»! А ты, дочка, не суди! Вот кабы я паясничал да пропивал деньги-то, вот тогда бы я был виноват. А то я деньги-то домой носил, все до копеечки. Делового народу, ученого тогда меньше было, наш брат, горемыка-подьячий, был в ходу, деньги так и огребали. Много ли я тогда получал, знаешь ли? Тысяч шесть ассигнациями. Ого-го-го! Вот оно что! И теперь еще все говорят, что у меня много денег, что я их спрятал. А ты знаешь, есть ли у меня деньги. Ваша мать хозяйка была отличная, дома у меня рай был. На стороне, в людях, я шут, я паяц; а ты меня дома посмотри! Тут я отец семейства, жену мою

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru все уважали, дети – ангелы. Эка важность, что меня шутом зовут! Ты и не жалея меня, Аннушка! Я таковский! Что я такое? Дрянной старичишка, никуда негодящий! Пускай смеются, коли им нравится, мне все равно. Они смеются, а я, как птица в гнездо, таскаю, прибираю свое гнездышко да детей кормлю. Для меня только ты да Верочка на свете и людей–то, больше я и знать никого не хочу.

Анна Павловна. Мы оба с вами, папенька, для одной Верочки живем.

Оброшенов. Избаловали мы ее с тобой. Хе-хе-хе! Вот теперь и нянчись с ней!

Анна Павловна. Да как же не баловать–то ее! Она такая милочка. Кого же нам с вами и любить–то, как не ее? больше некого. А ведь кого–нибудь надо любить, без этого жить нельзя.

Оброшенов. Ну да, само собой. (Делает серьезную мину.) А что ты скажешь насчет жениха? То есть насчет Саши?

Анна Павловна. Кажется, хорош.

Оброшенов. Хорош, хорош. Это я сам нашел. Ну уж и хлопот было. Трудно нынче хорошего–то найти. А ей нравится?

Анна Павловна. Ведь она еще ребенок. Кто же ее знает; кажется, нравится.

Оброшенов (таинственно). Хожу я это по судам–то, приглядываю; ходил долго; вдруг вижу, мальчик такой смирный сидит. Я стороной узнавать. Говорят, сирота; поведения, сказывают, хорошего, воспитывался у матери в строгости; с приказными не водится, по трактирам не ходит. Его–то, мол, нам и нужно. Познакомился, да вот дело и вышло. Ведь хорош?

Анна Павловна. Хорош, папенька.

Оброшенов (таинственно). Руки просил третьего дня. Я было отнекиваться стал – нарочно; так в слезы: умираю, говорит, от любви.

Анна Павловна. Что же вы?

Оброшенов. Ну, я и рад; велел с Верочкой поговорить. О приданом не заикается. Денег бы, говорит, нужно мне рублей триста. Ну, денег, говорю, не припасено для тебя. Дом, говорю, вам купил в две тысячи, вот и будет с тебя, а денег ни копейки. А я и дом–то, Аннушка, нарочно купить поторопился; не хватало денег, так признанял; потому деньги они могут истратить, люди еще молодые; а дом–то им на всю жизнь. Очень приставал об деньгах: я, говорит, вам после отдам; ну, да нет, так где же взять? Самому до крайности нужны, да нет, и занять не у кого. Я понимаю, на что ему нужны деньги. Ему на свадьбу, перед товарищами хочет себя показать. Так нет, брат, шалишь! На мотовство денег, хоть бы и были, так не дам. Нам пышности не нужно: чем скромнее, тем лучше. Коли понадобится что к свадьбе, так, говорю, у казначея вперед возьми, – не откажет. Говорил он с Верочкой или нет?

Анна Павловна. Нет еще.

Оброшенов. Так сегодня скажет. Да неужто она спит до сих пор?

Анна Павловна. Нет, должно быть, встала.

Оброшенов (у окна). Верочка!

Голос Верочки за сценой: «Сейчас, папаша! Я одеваюсь».

Ну как же, есть мне время тебя дожидаться! Высунь сюда рыльце! (Верочка выглядывает из окна, он ее целует.) Не спи долго, жениха проспишь! (Идет к калитке и читает.) «В сем доме отдаются три комнаты в мезонине».

Входит Гольцов.

А, Саша, здравствуй! Верочка! Саша пришел! (Уходит.)

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Верочка за сценой: «Подождет, я еще не причесана!»

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анна Павловна и Гольцов.

Анна Павловна. Садитесь!

Гольцов садится.

Что вы скучный такой?

Гольцов. Дела плохи-с.

Анна Павловна. Стыдитесь! Разве женихи скучают?

Гольцов. А вы уж знаете?

Анна Павловна. Сейчас папенька сказывал.

Гольцов. Он-то меня обнадежил; не знаю, как Вера Павловна!

Анна Павловна. Это вы ее-то боитесь?

Гольцов. Не то что боюсь, а как-то робко. Ну, как Вера Павловна мне откажет!

Анна Павловна. Быть не может.

Гольцов. Дай-то бог! Смелости у меня нет, боюсь с барышнями разговаривать, очень я неловок.

Анна Павловна. Ведь разговариваете же вы?

Гольцов. О пустяках разговариваю, а как сказать, что влюблен?

Анна Павловна. Ничего, не робейте! Это не так страшно, как кажется. Только и горя у вас?

Гольцов. Нет-с. Никак не могу денег достать, а мне очень нужно.

Анна Павловна. На что вам?

Гольцов. Этого я не могу вам сказать-с; а только до зарезу нужны, хоть живой в гроб ложись.

Анна Павловна. Живете вы аккуратно...

Гольцов. Очень аккуратно-с, и в трактир никогда не хожу.

Анна Павловна. Много ли вы в год жалованья получаете?

Гольцов. Уж теперь полные триста рублей получаю.

Анна Павловна. Чего ж вам еще?

Гольцов. Не стал бы я напрасно говорить-с. Ей-богу, нужно-с, а достать негде.

Анна Павловна. У нас теперь тоже нет; мы сами нуждаемся.

Гольцов. Да верно ли это-с?

Анна Павловна. Что верно ли?

Гольцов. Что у Павла Прохорыча денег нет? Мне все говорят, что у него денег много, только он скупится, дать не хочет. А кабы он знал, какая мне надобность!

Анна Павловна. Как же вы можете сомневаться? Неужели мы вас станем обманывать!

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Гольцов. Вы меня извините-с! Есть у меня один случай, да не знаю, удастся ли. Тут, по соседству у вас, живут два молодые человека, очень богатые, они родственники. Недоносков и Недоростков.

Анна Павловна. Знаю.

Гольцов. Обещали дать денег-с. Велели сегодня к ним завтракать приходиться.

Анна Павловна. Вот и подите!

Гольцов. Пойду; только надежды мало, люди-то пустые; вернее, что от них ничего не получишь. Что тогда делать! Куда мне деваться! Анна Павловна, скажите мне по совести, как перед богом, есть у Павла Прохорыча деньги? Меня что-то сомнение берет.

Анна Павловна. Как вам не стыдно! Перестаньте! Что вы!

Гольцов (закрывая лицо руками). Ах, боже мой!

Анна Павловна. Что вы? Уж не плачете ли?

Гольцов. Кабы вы знали, что у меня на душе!

Входит Верочка и закрывает ему глаза.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анна Павловна, Гольцов и Верочка.

Гольцов. Ах, Вера Павловна, это вы-с!

Верочка опускает руки.

я и не слышал, как вы вошли. (Целует руку.)

Верочка (целуя сестру). Что вы оба такие сердитые? Поссорились, что ли?

Анна Павловна. Какие ты глупости, душенька, говоришь! Из чего нам ссориться?

Верочка (Гольцову). Зачем вы так рано приходите? Не смейте так рано приходиться!

Гольцов. А вы зачем так долго спите?

Верочка. Оттого долго, что я очень люблю спать. Когда спишь, всё лучше, а проснешься, всё хуже.

Анна Павловна. Нельзя же всю жизнь спать, душа моя!

Верочка. Отчего же нельзя? Так бы все спали, всякий бы видел во сне, что ему хочется, все бы были счастливы.

Анна Павловна. Ты забываешь, душа моя, что надо кушать что-нибудь.

Верочка. Ничего бы этого не нужно.

Анна Павловна. А что ж тебе нужно?

Верочка. А вот что: чтобы все, кто кого любит, всегда были вместе. Вот бы я, папаша, ты, Александр Петрович всегда бы и сидели вместе в одной комнате.

Анна Павловна. Немного же тебе нужно.

Гольцов. А разве вы меня любите?

Верочка. Вас? Да. Будто вы не знаете?

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Анна Павловна. Почему же ему знать?

Верочка. Разве я вам не говорила? Так я вам скажу: я вас очень, очень люблю.

Анна Павловна. Какие ты глупости говоришь!

Верочка. Совсем не глупости. Как вас ваша маменька называла?

Гольцов. Саша.

Верочка (шепотом). Саша, Саша! (Громко.) Саша!

Гольцов. Что вам угодно?

Верочка (смеется). Нет, это я не вас. Я вас не могу так называть. Это я про себя. А вы меня любите?

Анна Павловна. Скажите, что нет.

Гольцов. Зачем же я буду лгать? Уж я лучше им правду скажу.

Анна Павловна. Да разве с ней можно серьезно разговаривать? А впрочем, говорите, пожалуй.

Верочка. Отчего же со мной серьезно нельзя разговаривать? Нет, вы говорите со мной серьезно! Я умею и серьезно разговаривать.

Гольцов. Я вас тоже очень люблю-с и уж говорил об этом вашему папеньке и сестрице, теперь остается только вам сказать.

Верочка. Папаше говорили и сестре говорили, теперь мне говорите!

Гольцов. Да-с, я и желаю с вами говорить! Я просил у папаша руки вашей, он мне велел к вам обратиться.

Верочка. Как? Что такое?

Гольцов. Руки вашей прошу-с.

Верочка (задумчиво). Нет, не надо.

Анна Павловна. Ну, вот видите!

Гольцов. Зачем же вы, Вера Павловна, хотите меня сделать несчастным?

Верочка. Нет, нет, я не хочу, чтоб вы были несчастны!

Гольцов. Так отчего же вы не хотите идти за меня?

Верочка. Нет, нет, ни за что не пойду! Вот еще! Зачем замуж идти? Я не хочу. Вы лучше так просто к нам приходите каждый день.

Анна Павловна. Вот и толкуйте с ней. (Уходя.) Не слушайте ее, она вздор говорит. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гольцов и Верочка.

Гольцов. Может быть, вы не верите любви моей?

Верочка. Нет, верю.

Гольцов. Или я сам вам не нравлюсь?

Верочка. Нет, нравитесь.

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Гольцов. Так отчего же вы не хотите меня осчастливить?

Верочка. Оттого, что не хочу.

Гольцов. Ну, бог с вами! (Отходит к стороне.)

Верочка (про себя). Саша, Саша!

Гольцов. Вы смеетесь?

Верочка. И не думала смеяться. Подите сюда! Что я вам скажу!

Гольцов. Что вам угодно?

Верочка. Садитесь подле меня.

Гольцов. Извольте. (Садится.)

Верочка. Если я соглашусь за вас идти замуж, тогда вы будете моим женихом?

Гольцов. Да-с, сначала женихом, а потом мужем.

Верочка. Когда вы будете женихом, вы будете к нам каждый день ходить?

Гольцов. Каждый день-с.

Верочка. Что же вы будете делать?

Гольцов. То же, что и теперь-с.

Верочка. То же, что и теперь?

Гольцов. Только тогда мы будем короче знакомы, я буду называть вас Верочкой.

Верочка. А еще что?

Гольцов (смеясь). Целовать вас буду-с.

Верочка. Как целовать?

Гольцов. Как? Известно, как-с. Приду и скажу: здравствуй, Верочка! И поцелую.

Верочка. Как?

Гольцов. Да как же, право-с! (Конфузаясь.) Вот так-с! (Целует ее.)

Верочка (помолчав). А говорить что будете?

Гольцов. Буду называть вас ангелом, милочкой. Будем сидеть обнявшись.

Верочка. Как?

Гольцов. Какие вы-с! (Обнимает ее.) Душенька моя, Верочка, я для твоего счастья жизни своей не пожалею!

Верочка. И мы всегда будем так?

Гольцов. Всегда-с.

Верочка. Всю жизнь?

Гольцов. Всю жизнь-с.

Верочка (с легким присутствием слез в голосе). Правду вы говорите?

Гольцов. Как перед богом-с! Поверьте душе моей!

Верочка (несколько времени молчит, потом обнимает и целует Гольцова). Саша, я

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
хочу быть твоей женой!

Гольцов (целуя руку). Благодарю вас, Вера Павловна!

Верочка. Нет, не Вера Павловна, а Верочка.

Гольцов. Ну, хорошо, Верочка! Ах, как я рад, как я рад! А потом ты не скажешь, что не хочу замуж идти?

Верочка. Нет, никогда теперь не скажу, никогда!

Гольцов. Ну, Верочка, надо папеньке сказать! Ты меня извини, я тебя теперь оставлю на минуту. У меня еще дело есть. Я скоро приду. Прощай, Верочка! (Целует ее.)

Верочка. Прощай, Саша!

Входит Анна Павловна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гольцов, Верочка и Анна Павловна.

Анна Павловна. Что она, все еще упрямится?

Гольцов. Нет-с, она согласна. Позвольте, Анна Павловна, ручку поцеловать! (Целует руку.) Теперь мы скоро родные будем-с. Я, Анна Павловна, пойду, куда говорил-с! Если бы еще это удалось, я бы сегодня был совершенно счастлив-с.

Анна Павловна. Ну, дай бог вам успеха. Прощайте!

Верочка. Прощай, Саша! (Целует Гольцова.)

Он уходит.

Анна Павловна. Верочка! Верочка! Это что еще за новости! Что-то скоро, моя милая!

Верочка. Я всегда его буду Сашей звать и целовать.

Анна Павловна. Понравилось?

Верочка. Да, понравилось.

Анна Павловна. Верочка, слушай, душа моя! Согласись сама, ведь это неловко.

Верочка. Нет, очень ловко. Не знаю, как тебе, а мне очень ловко. (Уходит.)

Анна Павловна (вслед ей). При мне-то нужды нет; только ты при чужих людях не вздумай!

Входит Хрюков, Анна Павловна кланяется ему.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анна Павловна и Хрюков.

Хрюков. А крыса приказная дома аль нет?

Анна Павловна. Папенька, должно быть, в комнате. Я позову его.

Хрюков (садясь). Мне ведь не родить: я и подождать могу. А может, тебе моя компания не нравится? Ну, уж позови отца, коль тебе противно со мной сидеть!

Анна Павловна. Нисколько не противно.

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Хрюков. Разве я не вижу, что ты нос-то отворачиваешь? Не красавец я, это что говорить!

Анна Павловна. Мне решительно все равно.

Хрюков. Я вот прожил век и без красоты, стало быть без нее обойтись можно. Как ты об этом думаешь? А насчет того, что ежели полюбить меня, так это только стоит мне захотеть. За тем только и дело стало, чтоб мне захотеть. Вот и все!

Анна Павловна. Не понимаю я вас.

Хрюков. Я не маленький, вашу братью хорошо раскусил: знаю, что вам нужно. Ты не сердись! Ты меня узнай прежде! Я человек дорогой, когда захочу мощной тряхнуть. Меня в те поры ничто не удержит, ни на кого не посмотрю! Про меня говорят, что я скуп; так это врут. Я для себя, для своего удовольствия, денег не жалел. Да ежели и теперь какая блажь в голову придет, тоже не пожалею.

Молчание.

Я молодца тут встретил, у ворот; у вас, что ль, был?

Анна Павловна. У нас.

Хрюков (строго). А зачем он у вас был?

Анна Павловна. Он Верочкин жених.

Хрюков. Писарек, должно быть, из суда, какой-нибудь плохенький? По обличью-то показывает. Так, что ли?

Анна Павловна. Да, он служит.

Хрюков. Ну уж, я сейчас вижу, что за птица. Парнишка из себя не видный, гляди не каждый день досыта и ест-то.

Анна Павловна. Молод еще очень.

Хрюков. Голь, надо полагать, непокрытая. Грабить еще не знает как. Где ему знать, как надо грабить! А вы за такого отдавайте, который грабить знает.

Анна Павловна. Зачем ему грабить? Он жалованье получает.

Хрюков. А много ли?

Анна Павловна. Триста рублей. Да мы за Верочкой дом даем. Жить можно будет. Вот только бы ему теперь к свадьбе очень нужно деньжонок.

Хрюков. А сколько?

Анна Павловна. Только триста рублей.

Хрюков. Только! Шутила ты, что ли! Триста рублей! Ведь это по старому счету тысяча с лишком.

Анна Павловна. Конечно, у кого нет, тому и рубль дорог; а все-таки, по нынешнему времени, триста рублей небольшие деньги.

Хрюков. А ты попробуй-ка их достать, так вот тогда и узнаешь, велики ли деньги. Вот пусть он, жених-то ваш, сунется к кому-нибудь просить: тогда и увидишь, что ему скажут.

Анна Павловна. Ведь ему нужда крайняя. Если б у меня были деньги, я, кажется, сейчас бы все отдала.

Хрюков. Как нет-то денег, так все так рассуждают.

Анна Павловна. А если б мы у вас попросили? Что для вас значат триста рублей!

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Хрюков. Может, для меня и триста тысяч ничего не значат; а все-таки я не дам. Взаимы я не даю, на это есть процентчики. Тому принеси верный залог, так сколько хочешь денег даст. А ежели дать так, на бедность, так по триста рублей я тоже не подаю. Рубля три дам к празднику, к большому. Ведь ишь ты каторжный народ какой! Жалованья грош, деньжонок своих нет, а он жениться да на бедность побираться! Точно для него так у всякого деньги и приготовлены. Пожалуйте, мол, берите! Не нужно ли вам еще чего-нибудь? Оглашенные, право оглашенные!

Анна Павловна. Ему обещали дать.

Хрюков. Как же, дадут! Держи карман-то! Обыкновенно посмеяться хотят, насмешку сделать.

Анна Павловна. Что же тут смешного?

Хрюков. Да как же не смешно! Человек бегаёт по улицам, ищет триста рублей! Самому-то цена грош, а он воображает, что ему кто-нибудь триста рублей поверит. Как тут не смеяться! Это ужасно смешно! «Дайте триста рублей!» А сам-то ты много ли стоишь? Ничего! Вот увидишь, что над ним шутку какую-нибудь сделают. Уж очень способно, сам лезет.

Анна Павловна. Какую же шутку?

Хрюков. Дураком поставят! Да и за дело! Не будь глуп, не смейся людей.

Анна Павловна. Он коли займет, так отдаст непременно

Хрюков. Да, может, и отдаст; да кто ж поверит, что он отдаст. А ведь я было подумал, что он к тебе ходит.

Анна Павловна. Зачем ко мне?

Хрюков. Зачем? Кто тебя знает? Я думал, уж не ты ль хочешь замуж идти, аль, может, так по душе пришелся.

Анна Павловна. Я замуж не пойду.

Хрюков (подходит к ней). Не пойдешь? Что ты?

Анна Павловна. Нет, не пойду. Во-первых, уж я в летах; во-вторых, папеньку не захочу одного оставить. Верочка выйдет замуж, переедет от нас, с кем же папенька останется?

Хрюков. Да, и не оставляй отца! Не оставляй! Что хорошего! Грех будет, грех! и живите тут скромненько, солидно.

Анна Павловна. Я и всегда так живу.

Хрюков. Ну, и умница! умница! (Гладит ее по голове.) И чтоб не ходил к вам никто, особенно молодые люди, чтоб разговору не было!

Анна Павловна. Какой может быть про меня разговор!

Хрюков. Ну да, ты скромная, умная девушка! Нешто я не вижу! А все-таки лучше. Нет, ты не ходи замуж, не ходи! Так лучше проживешь, я тебе говорю. А денег, что ты говорила, я дам. Отцу не дам и жениху не дам, тебе дам. Никому не дам, а тебе дам, в твои руки. Что хочешь, то и делай с ними. Я завтра зайду поговорить с тобой. Ну, вот и понимай, как хочешь!

Входит Оброшенов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Анна Павловна, Хрюков и Оброшенов.

Хрюков. Эй, ты, приказная строка! Мне тебя нужно, брат.

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Оброшенов. Что нужно, батюшка, Филимон Протасьич? Батюшка, что нужно?
приказывайте!

Хрюков. Да ты полно по-сорочьи-то разговаривать! Дело есть.

Оброшенов. Приказывайте рабу вашему, приказывайте!

Хрюков. Где ты пропадал? А вот теперь, видишь ты, мне некогда с тобой
разговаривать. Ты забеги как-нибудь!

Оброшенов. Вы только вздумайте дома: «вот кабы Павел Прохоров пришел!» и
посылать не надо. Вы только вздумаете, а я тут, тут, тут.

Хрюков. Ах ты тетерев лохматый! Посмотри-ка в калитку, нет ли кого на улице?

Оброшенов. Зачем, батюшка, родной ты мой?

Хрюков. Зачем? Ах ты голова с мозгом! А затем вот, чтоб не видали, что я у тебя
был.

Оброшенов. Отец и благодетель! Да что ж я, прокаженный, что ли, какой?

Хрюков. Эх! До старости ты, брат, дожил, а ума не нажил. Неужели кто подумает,
что я к тебе хожу! Зачем я к тебе пойду, какие такие у нас дела с тобой! Нужно
мне тебя, так только свистнуть стоит, ты и прибежишь как угорелый. Всякий это
понимает. Вон что подумают! – видишь? (Показывает на дочь). Скажут: «Старый шут
любовницу завел». А у нас народ какой? Сейчас на смех подымут. А для меня это
мараль.

Оброшенов. Шутник, шутник, шутник! Я не сержусь. (Дочери.) И ты не сердись!
Шутник, шутник! (Отворяет калитку.) Есть ли в поле жив человек? Ни души не
видно.

Хрюков. Ну, прощайте! (Идет к калитке.)

Анна Павловна. Прощайте!

Оброшенов (на ухо Хрюкову). Кукареку!

Хрюков. Ах, ты! Провалиться тебе! Испугал как! Отец-то у тебя шут с гороху!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Анна Павловна и Оброшенов.

Анна Павловна. Лучше б он к нам не ходил.

Оброшенов. Что ты, что ты, бог с тобой! Он благодетель, кормилец наш. Случится,
деньги все подойдут, взять негде, а это с нами часто бывает, я сейчас к нему,
как в свой карман. Конечно, я ему после заработаю; да где ж ты теперь таких
людей найдешь! Ты знаешь ли, сколько я у него по мелочам-то забрал? То-то оно и
есть!

Анна Павловна. Отчего же он со мной так дурно обращается?

Оброшенов. Отчего? Оттого, что благодетель всему семейству. Как ты не понимаешь!
А ты смейся! Вот как я. Он тебе скажет что-нибудь, а ты: хи-хи-хи да ха-ха-ха!
Оно все легче, не так обидно.

Анна Павловна. Паленька, мне что-то странно: он мне денег предлагал.

Оброшенов. Каких денег?

Анна Павловна. Давеча Александр Петрович говорил, что ему необходимо нужно
денег. Я проговорила при Хрюкове; он обещал дать мне: отцу, говорит, не дам, а
тебе дам.

Оброшенов. Гм... Нет, брат, лучше не бери!

Анна Павловна. Я и не возьму.

Оброшенов. Они денег-то дадут, да потом не рад будешь жизни, что взял у них. Эх, благодетели, благодетели! А все-таки без них нам жить нельзя на свете. Уж разумеется, если б я был с состоянием, я б этого благодетеля к себе на порог не пустил. Однако пойти к нему; что ему там надо. Фрак надену для учтивости; вот, мол, как тебя уважают.

Уходят в дом.

В калитку входят: Гольцов, выпивши; Недоносков и Недоростков, заглянув в калитку и видя, что никого нет, входят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гольцов, Недоносков и Недоростков.

Недоносков. Ты, Саша, не робь!

Недоростков. Валяй, значит, да и кончено дело!

Гольцов. Я робею? никогда! Я сейчас ему все...

Недоносков. Что тебе занимать? ведь отдавать надо будет.

Недоростков. Мы бы дали, слова не сказали; да зачем у чужих, когда у него много?

Недоносков. Он тебя надуть хотел.

Недоростков. Да не на того напал. Ты ведь, Саша, голова!

Недоносков. Еще бы Сашу-то обмануть! Да тот трех дней не проживет, кто его обманет.

Недоростков. Сашка плут!

Гольцов. Нет, уж меня не надуешь! Шалишь!

Недоносков. Он видит, что ты влюблен, ну и прижимает.

Недоростков. Он воображает, что на дурака напал.

Недоносков. Ты ему прямо: давай, мол, денег; а то так и не надо. У него денег много, он сам сказывал.

Недоростков. У меня, мол, другая невеста есть, и шабаш.

Гольцов. Да, ишь вы разгулялись! Чтоб я Верочку-то оставил? Да никогда!

Недоносков. Да что – Верочка, Верочка! Ты поедем с нами; мы тебе такую невесту, значит, покажем... на редкость.

Гольцов. Не поеду.

Недоростков. Съедят, что ль, тебя? Ты погляди только! Примут как! Первый сорт.

Гольцов. Да ну, хорошо.

Недоносков. А ты, Сашка, бедовый!

Недоростков. Уж я тебе говорил, что парень – нашего поля ягода. Ты скорее, мы ждем.

Недоносков. Еще б ему стаканчик!

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Недоростков. Нет, в самую припорцию. У меня на это размер верный: в самый раз. Уходят.

Гольцов. Он думает, что я влюблен, а как же мне? У меня такая крайность!... Где ж я?... Я не могу.

Входят Оброшенов и Анна Павловна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Гольцов, Оброшенов и Анна Павловна.

Оброшенов. А, Саша, друг любезный, ты здесь?

Гольцов. Я за деньгами.

Оброшенов. Что?

Гольцов. За деньгами.

Оброшенов. За какими деньгами?

Гольцов. Какие деньги? Ха-ха-ха! Триста рублей.

Оброшенов. Что?

Гольцов. Триста рублей.

Анна Павловна. Молчите! Что вы! Завтра я вам, может быть, денег достану; а теперь ступайте домой!

Гольцов. Завтра! Значит, правда, что у вас есть деньги. Завтра! Нет, это дудки!

Анна Павловна. Перестаньте! Ступайте домой!

Гольцов. Оставьте, пожалуйста, я с вами не разговариваю.

Анна Павловна. Папенька, что с ним сделалось?

Оброшенов. Саша! Саша! Не надо, не надо! Всякие шутки прочь! Ты еще молод, молод, любезный!

Гольцов. Да-с, обмануть хотели. Он влюблен... без денег возьмет, а у вас денег много... Пожалуйте денег, а не то...

Оброшенов. А то что? Ну, что? говори.

Гольцов. Не надо ничего... вот и все...

Оброшенов. А кто плакал вот здесь, на этом месте, руки мои целовал, чтоб я Верочку отдал? А теперь не надо?

Анна Павловна. Папенька, потише; а то Верочка услышит.

Оброшенов. Что я тебе говорил? Что я тебе говорил? Что ты молод, не умеешь на свете жить. Вот так оно и вышло. Еще ничего не видя, ты пьяный в дом лезешь да шумишь тут! Что же это ты делаешь с своей головой?

Гольцов. Что вы с моей головой делаете? Мне теперь либо повеситься, либо... другую невесту искать с деньгами.

Верочка сходит с крыльца.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Оброшенов, Анна Павловна, Гольцов и Верочка.

Оброшенов. Хорошо, Саша, хорошо! Ну, бог с тобой! Нам, брат, денег взять больше нигде.

Гольцов. Павел Прохорыч, дайте денег, не скупитесь... а то смотрите: мне сватают.

Верочка. Я сама не пойду за него ни за что на свете! Папаша, я с тобой останусь, я ни за кого не пойду.

Гольцов. А давеча-то что?

Верочка. Папаша, прогони его.

Гольцов. Кого это? Меня-то?

Верочка. Папаша, он меня давеча здесь целовал, обнимал, говорил, что всю жизнь так любить будет. Что же он теперь делает?

Оброшенов. Как же ты, мальчишка...

Верочка. Я его так полюбила...

Оброшенов. Слышишь ты, полюбила.

Верочка. Папаша, я сама виновата. Зачем я такая глупенькая девочка, что меня можно обманывать! Теперь уж я никому не буду верить. И ты, папаша, не верь! А то и тебя будут обманывать.

Оброшенов. Слышишь ты, слышишь?

Анна Павловна. И вам ее не жалко!

Гольцов. А ему разве нас с Верочкой жалко? Деньги есть, а не хочет дать.

Оброшенов. Как ты смеешь...

Гольцов. Кабы не было денег! А то есть, и не дает. А я так люблю, так люблю.

Оброшенов. Молчи, молчи! Видим мы, как ты любишь-то! Поди отсюда!

Гольцов. Что ж это такое? Вы меня гоните, и вы меня гоните? Вам не жалко меня, что я совсем погибаю. Я ведь погибаю!

Верочка. Нет, мне вас жалко. Папаша, не гони его. Он сам сейчас уйдет.

Гольцов. Зачем же я уйду?

Верочка. Вам очень стыдно станет, что вы нас обманули.

Анна Павловна. Вы только вспомните, что вы наговорили.

Гольцов. Боже мой! Что же это со мной сделали? (Стоит молча.) Простите меня. Прощайте! (Уходит.)

Оброшенов. Вот поди, узнай человека-то! Эка беда-то! Где ж бы мне теперь тебе жениха-то поискать?

Верочка. Я, папаша, не пойду ни за кого, кроме него! (Бросается на грудь отцу.) А за него тоже не пойду... он не стоит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЛИЦА:

Оброшенов.

Гольцов.

Недоносков.

Недоростков.

Шилохвостов, лавочник в короткой люстриновой сибирке, сапоги бутылками.

Важная особа, в шинели нараспашку, на шее орден, тугой белый галстук и очень высокие воротнички.

Солидный человек, низенький, толстый; на шее толстая золотая цепь, на руках перстни, палка с золотым набалдашником.

Маменька, в темном шелковом салопе, покрыта темным платком.

Дочка, одетая по моде, в маленькой соломенной шляпке.

Девушка, в бурнусе, покрыта платочком, с картоном.

Молодой человек.

Чиновник 1-й.

Чиновник 2-й.

Салопница, в руках завернутое свидетельство о бедности.

Шарманка.

Певица.

Лакей в ливрее.

Лица разных наций, званий и пола: военные, чиновники, купцы, приказчики, мальчишки, разносчики, татары, армяне, евреи, барыни, купчихи, мастерицы, торговки.

Ворота, где торгуют картинками.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Разные лица стоят группами, некоторые приходят, некоторые уходят, многие под зонтиками. Солидный человек на видном месте. Входят первый и второй чиновники.

Первый чиновник. Так женился Пыжиков-то?

Второй чиновник. Женился.

Первый чиновник. Так это верно?

Второй чиновник. Верно.

Первый чиновник. Да неужто так, как говорили? За пару платья только?

Второй чиновник. Да, за пару платья. Что ж делать-то! Не в чем было в суд ходить; а теща сшила ему все.

Первый чиновник. И больше ничего?

Второй чиновник. Больше ничего.

Первый чиновник. А как износит?

Второй чиновник. Ну уж тогда как хочешь.

Отходят в толпу. Входят девушка, покрытая платочком, с картоном, и молодой человек.

Девушка. Вы отстанете от меня или нет?

Молодой человек. Да за что вы сердитесь?

Девушка. Вы видите, что не хотят с вами говорить, а вы все пристаёте! Это должно к стыду к вашему относиться.

Солидный человек. Именно к стыду. Нынче в молодых людях нравственности не ищи, пристаёт ко всем без разбору. Вы, милая, станьте сюда, поближе.

Девушка. Покорно вас благодарю. (Переходит к солидному человеку.)

Молодой человек за ней. Входит Шилохвостов, снимает и отряхивает картуз.

Шилохвостов (обращаясь ко всем). Дождик-с... Ничего не поделаешь! До лобного дошел – ничего-с, а там стало так понуждать, что заячьей рысью действовать пришлось... Одевание легкое-с! Этого струменту (показывая на зонтик) с собой не захватил; ну, значит, и удирай до первых ворот.

Входят маменька с дочкой.

Наше почтение-с!

Маменька. Здравствуй, батюшка!

Дочка. Кто такой, маменька?

Маменька. А кто его знает.

Шилохвостов. Пожалуйста, вот здесь к сторонке-с! Покупки изволили сделать?

Маменька. Да, батюшка. (Дочери тихо.) Не гляди ты по сторонам, говорю я тебе!

Шилохвостов. Из каких предметов, из шерстяных или из шелковых-с?

Маменька. Шерстяное, батюшка! (Дочери.) Чтой-то ты, страмница, все головой-то вертишь!

Шилохвостов. Позвольте полюбопытствовать-с! Мы сами кругом этого товару ходим-с.

Маменька. Уж ты нам, батюшка, и цену скажи, настоящую.

Шилохвостов (развертывает и разглядывает). Очень во вкусе-с. Гривенок на шесть-с?

Маменька. Что ты, батюшка! по три четвертака платила!

Шилохвостов. Не дорого-с. Дешевле копейки взять нельзя-с. Позвольте, заверну-с. (Завертывает с ловкостью и отдает.)

Девушка (молодому человеку). Я вам сказала, чтоб вы отстали от меня. Чего ж вам еще нужно?

Молодой человек отворачивается, как будто не ему говорят, и начинает переглядываться с дочкой.

Солидный человек. Вам лучше бы уйти отсюда. И я бы... пошел.

Шилохвостов (девушке). В мастеричках изволите жить?

Девушка. А вам какое дело?

Шилохвостов. А вы не будьте так довольно горды! В вашем звании оно нейдет-с.

Девушка. А вы почем знаете мое звание? Может быть, вы очень ошибаетесь?

Шилохвостов. По мундиру-то по вашему оно сейчас видно-с.

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Все смеются. Девушка уходит. Солидный человек за ней. Молодой человек подвигается к дочке, вынимает бумажку и пишет карандашом записку.

Маменька (дочке). Перестанешь ты вертеться али нет?

Шилохвостов. Это от малодушества-с.

Маменька. Какое малодушество! Как она себе шею-то не свернет!

Шилохвостов (подходя к татарину). Что это, мыло у тебя?

Татарин. Сама настоящая, казанская. Хорош товар, купи для вечера.

Шилохвостов. Сами, брат, этим товаром торгуем.

Входит важная особа с лакеем.

Лакей. Посторонитесь, господа, посторонитесь!

Важная особа (чуйке). Посторонись же, любезный!

Шилохвостов. Пожалуйте, ваше превосходительство! Вот здесь просторно-с!

Важная особа становится и все время стоит неподвижно, поднявши голову. Дочка роняет платок; молодой человек поднимает и вместе с запиской отдает ей.

Дочка. Мерси-с!

Маменька. Ну уж, дай ты мне только домой прийти! Вот ты тогда увидишь!

Дочка. На учтивость обнакновенно надобно учтивостью ответить. Нешто вы что понимаете!

Маменька. Ну, ладно!

Входят Оброшенов и Гольцов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Оброшенов и Гольцов.

Гольцов. Мне, право, совестно и глядеть-то на вас.

Оброшенов. Ну ничего, ничего! (Гладит его по плечу.) Ишь ты вымочил сертучок-то!

Гольцов. Они мне приказали прийти к ним, сказали, что денег дадут. Вот я от вас и зашел; они завтракают сидят. Налили мне стакан шампанского. Вы знаете, я не пью.

Оброшенов. И не пей, Саша, не пей!

Гольцов. Я и отказывался, да насильно заставили, в рот влили; хотели облить всего. Я бы и ушел, да они все останавливали, обещали сейчас денег дать. Потом другой таким же манером заставили выпить, а уж третий, должно быть, я и не отказывался. Тут, уж как я захмелел-то, они и стали мне говорить: «Мы бы тебе и дали денег, да зачем тебе у чужих занимать, после отдавать надо будет; ты попроси у нареченного тестя». Я говорю, что у вас денег нет, что вы все на дом истратили. «Он, говорят, тебя обманывает, у него денег много награблено: это всем известно; он сам сказывал».

Оброшенов. Ах, разбойники! Ах, разбойники!

Гольцов. «Вот, говорят, ты теперь выпил для храбрости и ступай к нему. Припугни его хорошенько, он тебе сейчас и даст денег непременно. А не даст, так и не надо; у нас, говорят, есть невеста и лучше, и денег больше». (Махнув рукой.) И говорить-то совестно.

Оброшенов. Ничего, говори, говори!

Гольцов. Что у вас делал, сами знаете. Провалиться сквозь землю легче. Как ушел я от вас, повезли они меня к невесте. Привезли меня куда-то в дом, стали еще потчевать, народу сошлось много, вывели невесту. Только как я ни был пьян, а сейчас заметил, что это горничная переряженная. Так мне стыдно и обидно стало! А что ж делать! Сам виноват. Схватил шляпу, да бежать без оглядки. А они мне вслед кричат: «Ну, Саша, потешил ты нас сегодня!» Потешил я их... А каково мне!... Как я к вам глаза покажу!...

Оброшенов. Ну ничего, ничего. Ты почему это сукно-то брал?

Гольцов. Да что сукно! Не утешайте вы меня, Павел Прохорыч! Не стою я этого. Какими глазами мне теперь смотреть на Веру Павловну!

Оброшенов. Велика птица Вера Павловна! С кем греха не бывает! Ну, виноват, да и конец! Не век же будет помнить!

Гольцов. Как сказать-то, что виноват? Кажется, от стыда слова не выговоришь. Они могут подумать, что со мной это часто случается.

Оброшенов. Могут подумать! Ничего она не подумает, она и думать-то еще ничего не умеет. Ты ведь ее любишь? Будешь беречь? Ведь это ребенок, Саша! Ангельская душа!

Гольцов. Уж поверьте, Павел Прохорыч, жизни своей не пожалею для Веры Павловны! Это только случай со мной несчастный, за который я всю жизнь буду казниться.

Оброшенов. Ну и хорошо, Саша, хорошо! Я тебе верю. Ты уж не бойся, я вас помирю; я тебе это дело устрою. Ах, Саша, Саша! А ты сокрушаться вздумал, что об тебе девчонка подумает! Хе-хе-хе! Право, девчонка: так, дрянная какая-то! У нас есть дела поважнее, есть о чем думать, кроме этого. Тебе на что деньги-то нужны, ты мне скажи!

Гольцов. И не спрашивайте, Павел Прохорыч!

Оброшенов. Как не спрашивать! Как не спрашивать! Коли нужно, так поискать надо будет, похлопотать.

Гольцов. Вот как нужно, Павел Прохорыч, хоть в петлю полезай.

Оброшенов. Да скажи, чудака-человек!

Гольцов. Я чужие деньги затратил.

Оброшенов. Что ты! Господь с тобой!

Гольцов. Крайность заставила, Павел Прохорыч. Делал я кое-какие делишки одному помещику, исправлял поручения, в Совет деньги вносил.

Оброшенов. Ну, ну!

Гольцов. Вот он и прислал мне денег в Совет внести за имение: триста рублей. Тут у меня матушка умерла, на похороны было взять негде: за квартиру нужно было за четыре месяца отдавать... я больше половины денег-то и истратил.

Оброшенов. Да ведь уж это, никак, с полгода?

Гольцов. Больше полугодом-с. Я думал, что из жалованья я пополнию; а тут начали за чин вычитывать. Думал, награду дадут к празднику, не дали... Теперь последний срок приходит. Ну, как имение-то в опись назначат или вдруг сам приедет. Пожалуются председателю, ведь из суда выгонят. Да стыд-то какой! Боже мой!

Оброшенов. Что ж ты мне прежде не сказал?

Гольцов. Совестно было.

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Оброшенов. Что ж ты это, Саша, наделал! Как теперь быть-то? Где денег-то взять? Вот беда-то! Ну уж не ожидал я от тебя, не ожидал!

Гольцов. Как хотите, так меня и судите, Павел Прохорыч!

Оброшенов. Да я тебя не виню, не виню. Полно ты! Какая тут вина, коли крайность. Только вот что, Саша, обидно, что между нас, бедных людей, не найдешь ты ни одного человека, у которого бы какой-нибудь беды не было. Ах ты, грех какой! Ума не приложу.

Гольцов. Да что вам беспокоиться, Павел Прохорыч! У вас своей заботы много. Ищите себе другого жениха, а меня оставьте. Выпутаюсь – хорошо, не выпутаюсь – туда мне и дорога.

Оброшенов. Нет, Саша, как можно, чтоб я тебя оставил! Нет, я попытаюсь, побегаю. Что мне значит побегать! Богатых людей много знакомых; знаешь, этак, дурачком, дурачком, паясом; может, и достану тебе денег. Ты очень-то не горюй!

Гольцов. Выручите, Павел Прохорыч! Спасите меня!

Оброшенов. Бог милостив, Саша, бог милостив! Отчаяваться не надо.

Шилохвостов. Однако ко щам начинает поталкивать. Нечего и на Спасских смотреть, и без того знаю, что время.

Важная особа. Сегодня никто так не заслужил своего обеда, как я.

Шилохвостов. Тэк-с!

Салопница подходит и шепчет что-то на ухо.

Чего-с? я в Ирбитской плачу-с.

Салопница. Как изволили сказать?

Шилохвостов. Я всегда вам всем в Ирбитской ярмарке плачу. Пора вам знать.

Все смеются. Салопница шепчет что-то.

Что же вы ко мне пристаёте! Я сказал, что в Ирбитской! А то можно и Лютова позвать. Да, никак, это он идет; да, Лютов и есть.

Все смеются. Салопница быстро скрывается.

Важная особа. Кто такой Лютов?

Шилохвостов. Чего-с?

Важная особа. Кто такой Лютов? я тебя спрашиваю.

Шилохвостов. Ундер, ваше превосходительство! Эти просящие особенный страх к нему имеют.

Входят Недоносков и Недоростков.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Недоносков и Недоростков.

Недоносков. Сашка тут.

Недоростков. Опять его накалить.

Недоносков. Нет, теперь эта штука не выгорит; старик с ним. (Отворачиваются в сторону.)

Гольцов. Вот они пришли.

Оброшенов. Вот бы отчитать их хорошенько, Саша, да при народе! – они этого терпеть не могут. Да, может быть, Саша, они твои благодетели? Они тебе прежде помогали чем-нибудь?

Гольцов. Никогда я от них ни одной копейки не видал; кроме насмешки, ничего.

Оброшенов. Ну, так что ж на них смотреть! Вот кабы благодетели, тогда нельзя. Право, ты бы им выговорил – так, легонько, поучтивее. Ну, что хорошего! Только что издеваются, а пользы от них никакой. Диви б маленькие. Коли ты хочешь утешаться, так ты бедному человеку сначала помоги, да потом и утешайся над ним. Так ведь я говорю, Саша?

Гольцов. Конечно, правда.

Оброшенов. Нет, ты им скажи: «Напрасно, мол, вы, господа, себе такие шутки позволяете!» Так и скажи! Вот и пусть они знают. А то всякий станет над тобой издеваться, и на свете жить нельзя будет.

Гольцов (Недоноскову и Недоросткову). Здравствуйте, господа! (Раскланиваются.) Покорно благодарю за угощение!

Недоносков. Не на чем.

Гольцов. Насилу до дому дошел.

Недоростков. Ты бы пил больше!

Гольцов. Да вы меня насильно заставляли.

Недоносков. Всякий сам об себе понимать должен.

Недоростков. Кто ежели этому не подвержен, насильно не заставишь.

Гольцов. Я не то что подвержен, я и в рот не беру.

Недоносков. Оно и по глазам видно.

Недоростков. Значит, у тебя совести нет, когда ты при людях сам говоришь, что вчера пьян был. Другой бы скрывал.

Недоносков. Еще говоришь, что тебя насильно напоили. Кто же может теперича этому поверить? Кому нужно заниматься с тобой? Никто и внимания не возьмет. Антиреспектная канпания!

Недоростков. Кому ты можешь канпанию составить? И выходит, что ты пустой человек, не стоящий внимания.

Оброшенов. Вам тятенька много ли денег-то оставил на забавы?

Недоносков. Это в состав не входит.

Отворачиваются и разговаривают между собою.

Шилохвостов. Вот и я тоже, как домой пьяный приду, сейчас жене и говорю: запутали, мол, ничего не поделаешь.

Все смеются и поглядывают на Гольцова.

Гольцов. Меня ж пристыдили! Не знаю, как и на людей смотреть. Я уж лучше пойду.

Оброшенов. Куда?

Гольцов. К вам. Хочется поскорей увидаться с Верой Павловной. У меня как камень на сердце лежит. Уж что-нибудь одно: либо пан, либо пропал.

Оброшенов. Да ты не бойся! Эх, какой ты, право! Ничего, ступай смелей! А я после приду; мне тут нужно забежать на минуту. Скажи дома, что сейчас, мол, придет. Да

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
скажи Верочке, что я приказал ей с тобой помириться. А с этими молодцами я еще поговорю.

Гольцов идет к выходу.

Недоносков. Не хочешь ли опохмелиться опосля вчерашнего?

Все смеются.

Гольцов. Опохмеляйтесь сами! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без Гольцова.

Оброшенов. Эх, господа! Как не грех вам бедного малого обижать! Он человек хороший, смиренный!

Недоносков. Его смиренности никто и не снимает с него.

Недоростков. Так это при нем и останется.

Шиловостов. Смирненство еще не важное какое дело! В столице живешь, так поневоле будешь смирен. Потому что ежели драться станешь, сейчас лопатки скрутят.

Смех.

Оброшенов. Он вина-то и в рот не брал, а вы вчера...

Шиловостов. Вина не пьет, с воды пьян живет.

Смех.

Оброшенов. Ты к чему пристал? Туда же: «пьян живет»! Видал ты его пьяным?

Шиловостов. Слухом земля полнится.

Оброшенов. От кого ты слышал? Ну, сказывай!

Шиловостов. Мне теща сказывала; она теперича в Астрахань уехала.

Смех.

Оброшенов. Выжига ты, вот что!

Шиловостов. Уж и видно, что стракулист: так и цепляется.

Смех.

Оброшенов. Что? что? что ты сказал?

Шиловостов. Ничего-с. Это я не про вас, а про мать кресну: она свой человек – не обидится. (Отходит к Недоноскову.)

Оброшенов. Вот нынче народ-то какой стал! Ни за что мальчика обругали да облаяли. Вот эти господа что вчера с ним сделали.

Начинают прислушиваться и подходить.

Он вина в рот не брал, а они его насильно напоили да комедию себе на потеху соорили. Еще какую комедию-то!

Народ подвигается.

Недоносков. Что он там за разговоры развел!

Недоростков. При людях срамить вздумал!

Оброшенов. Видят, что человек ничего уж не понимает, в чужой дом повезли; там горничную девку невестой одели...

Один из толпы. Что он говорит?

Другой. Горничную невестой одели.

Недоносков. Он на нас мараль пуцает.

Недоростков (громко). Разговаривать-то можно, слушать-то только нечего.

Оброшенов. Вот чем утешаются, знать дела-то другого нет у них! Коли есть дело, так глупости не пойдут на ум. Да и нашли кого обидеть! Парень безответный... Ведь этак они до того дошутятся, что могут совсем человека погубить. Разума-то у них хватит.

Недоносков. Я бы с него ничего не взял за такие его разговоры.

Недоростков. Надоть бы его хорошенько!

Шилохвостов. Штуку какую-нибудь над ним сочинить почуднее! Надо заняться придумать.

Недоносков (Шилохвостову). Что придумывать-то? Поди сюда! (Шепчет ему на ухо. Шилохвостов хохочет.) Вот тебе конверт! Поди положи газетной бумаги, в серединку положи записку; напиши... (Шепчет. Шилохвостов хохочет до истерики. Важная особа улыбается.) да и подкинь ему.

Шилохвостов. Я духом! (Уходит.)

Шарманчик с певицей играет «Под вечер осенью ненастной».

Певица (поет)

Под вечер, осенью ненастной,
Пустынным дева шла местам,
И тайный плод любви несчастной
Держала трепетным рукам.
Все были тихи, лес и горы,
Все спали в сумерки ночной,
Она внимательные взоры
Водила с ужасом вокруг...
Важная особа. Довольно!

Певица.

И на невинном сим творенье...
Важная особа. Довольно, я говорю!

Шарманка перестает. Шилохвостов входит.

Шилохвостов (шарманщику). Тяжеленько носить изволите.

Шарманчик. Своя ноша не тянет.

Шилохвостов. Другой подумает, что его за непочитание родителей заставили этакую штуку таскать.

Смех. Шарманка уходит.

Готово-с. (Показывает конверт.)

Недоносков. Ну, теперь не зевай! Дождик-то проходит.

Оброшенов уходит. Шилохвостов убегает вперед, потом скоро возвращается.

Шилохвостов. Поднял-с!

Оброшенов вбегаёт бледный.

Оброшенов. Боже мой! (Вынимает конверт из кармана и смотрит.) Что это? Не во сне ли я вижу! Шестьдесят тысяч... объявить... третья часть – двадцать тысяч... Я задыхаюсь... Батюшки!... Отлегло. Саша! Верочка! Вот они, деньги-то, вот они! (Убегает.)

Шилохвостов. Держи его! (Хохочет.)

Все смеются.

Важная особа (уходя, останавливается). Вот вам всем пример наказанного корыстолюбия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Оброшенов.

Анна Павловна.

Верочка.

Гольцов.

Улита Прохоровна, сестра Оброшенова, в чепчике, в салопе, с большим мешком в руках.

Комната в доме Оброшенова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна Павловна сидит за работой, Улита Прохоровна сидит подле нее, и Верочка смотрит в окно.

Улита Прохоровна. Они его подбили, они; больше некому. Это у них первое удовольствие заманить к себе да напоить. Они ведь меня тоже вчера как испугали! Иду я мимо их дому-то, не помню об чем-то задумалась; вдруг наверху, над моей головой, кто-то кричит во все горло, я ажно присела. Взглянула это я наверх-то, а оттуда мне кулек на голову, так ноженьки и подкосились. Насилу выпуталась из кулька-то. Отошла на другую сторону, смотрю: а у окна эти два балбеса, да и Гольцов с ними. Думала тут же зайти к вам да рассказать, так не хотела вас расстроивать. Ну, прощайте!

Анна Павловна. Да вы бы, тетенька, пообедать у нас остались!

Улита Прохоровна. Как же, нужно очень! Мало вас без меня! И так семья порядочная. Я не хочу брату в тягость быть. Я найду, где пообедать. Ты посмотри-ка, как меня везде принимают! А отчего? А оттого, что я смолоду в княжеских и в графских домах жила, хорошие порядки видела. Тому научу дураков-то, другому; так вот мне все и рады. Я таким манером двадцать лет из дому в дом брожу, к вам-то только повидаться захожу.

Анна Павловна. Право, тетенька, останьтесь.

Улита Прохоровна. Зачем дома обедать, коли в чужих людях можно? Ну, право! Вот кабы я набивалась, так бы худо; а то везде с честью принимают. Когда негде будет, надоем всем, ну уж тогда, нечего делать, дома обедать буду. А теперь что мне вас в лишний расход вводить! От вас к Хрюковым пойду. Хоть сам-то старик и плут, да мне все равно; у сыновей жены хороши, бабы добрые.

Анна Павловна. А как обедать не застанете?

Улита Прохоровна. А мешок-то на что? Тут у меня целый дом. Тут у меня и чай, и сахар, и ситец на платье, и свечи стеариновые, и лоскутки разные, вот воротник меховой подарили недавно, а вот две котлетки завернуты. Я ничем не брезгую; все прячу, что дают. Ну, прощайте! (Целуется с обеими и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Анна Павловна и Верочка.

Анна Павловна. Ты что все в окно смотришь? Целое утро не отходишь!

Верочка. Папашу дожидаюсь.

Анна Павловна. Папашу ли?

Верочка. А то кого же еще? Мне больше некого дожидаться.

Анна Павловна. Уж и некого?

Верочка. Разумеется, некого. Ну, кого я стану ждать? скажи.

Анна Павловна. Ну, что ты со мной-то хитришь!

Верочка. Ты, может, думаешь, что я Сашу...

Анна Павловна (смеясь). Кого?

Верочка. Я ошиблась, а ты уж и рада. Ты думаешь, что я Александра Петровича дожидаюсь? Так нет же, нет, нет, нет!

Анна Павловна. Ну, верю, верю.

Верочка. Я об нем и думать-то забыла.

Анна Павловна. Очень жаль.

Верочка. Кого?

Анна Павловна. Разумеется, тебя; а то кого же?

Верочка. Отчего тебе меня жаль?

Анна Павловна. Очень просто, душа моя: вчера ты называла Александра Петровича своим женихом, Сашей, целовала его; а сегодня забыла и думать. Значит, у тебя дурное сердце.

Верочка. Я тогда не знала, что он такой противный.

Анна Павловна. Может быть, он совсем и не противный.

Верочка. Уж ты, пожалуйста, за него не заступайся.

Анна Павловна. А мне что за него заступаться? он – твой жених, а не мой.

Верочка. Ну уж это извините-с.

Анна Павловна. А вот увидим.

Верочка. Нет уж, я лучше умру, а не пойду за него.

Анна Павловна. Зачем умирать! Тебя никто и не принуждает идти за него. Можешь выйти за кого угодно.

Верочка. И за другого не пойду.

Анна Павловна. Как хочешь, душа моя; твоя воля.

Молчание.

Верочка. Аннушка!

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Анна Павловна. Что?

Верочка. Душенька, что я у тебя спрошу, ты мне скажешь? (Плачет.)

Анна Павловна. Конечно, скажу. О чем же ты, милочка, плачешь?

Верочка. Мне очень скучно.

Анна Павловна. Ну, что же ты хотела спросить?

Верочка. Придет он к нам еще когда-нибудь или нет?

Анна Павловна. Не знаю, душенька. У него ума-то тоже немного больше твоего. С неделю от стыда не пойдет, а потом будет совеститься, что долго не был. Это всегда так бывает. А тебе хотелось бы, чтобы он пришел?

Верочка. Да, очень хотелось бы. Мне так скучно, так скучно!

Анна Павловна. Кто ж его знает! Может быть, возьметса за ум и придет.

Верочка. Нет уж, я знаю, что не придет. (Плачет.)

Анна Павловна. Надолго ли твоего сердца-то хватило?

Верочка. Ты думаешь, я ему прощу? Нет, нет, я ему никогда не прощу; я только хочу, чтоб он пришел.

Анна Павловна. Один раз?

Верочка. Нет, чтоб и еще приходил.

Анна Павловна. А вот подождем денька три.

Верочка. Денька три! Что это ты! Нет, я не хочу. Я хочу, чтоб нынче пришел.

Анна Павловна. Ну, это едва ли.

Верочка. Знаешь что, душенька, Аннушка! Если он сегодня не придет, я к нему тетеньку пошлю.

Анна Павловна. Как это можно! Что ты выдумываешь! Надо подождать еще хоть два дня.

Верочка. Ну как он, в самом деле, долго не придет – с тоски умрешь. Уж как бы я была рада, кабы он пришел; кажется, и сердиться бы на него перестала. (Смотрит в окно.) Идет! Уйду, уйду, в свою комнату уйду! И чтоб он не смел туда ходить! Ты слышишь, что я тебе говорю, сестрица! (Убегает.)

Анна Павловна. Ах, молодость, молодость! Блаженное время! И я была молода, да нечем мне вспомнить мою молодость! (Утирает глаза.) Что ж это? Неужели я завидую ей! Сестре-то! Нет, какая зависть! А как-то невольно, когда видишь чужое счастье, хочется и себе хоть немножко. Ну, что ж делать! Мое время прошло. Теперь остается только мне всех любить, а меня уж никто не полюбит. Отец скоро совсем состареется, у сестры будут дети; вот и ухаживай за всеми. Ей, скажут, и делать-то больше нечего, это ее прямая обязанность.

Входит Гольцов и останавливается у двери.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анна Павловна и Гольцов.

Анна Павловна. Войдите! Что же вы стали?

Гольцов. Если позволите? Мне, право, так совестно-с.

Анна Павловна. Перестаньте! Что за вздор! Мы уж и забыли. Садитесь! Видели

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
папеньку?

Гольцов. Видел-с. Он сейчас придет; мы вместе шли из городу.

Анна Павловна. Где же он теперь?

Гольцов. Хотел зайти насчет денег похлопотать.

Анна Павловна. Для вас?

Гольцов. Для меня-с.

Анна Павловна. Однако вы очень деньги любите. Я не знала, что вы такой корыстолюбивый.

Гольцов. Какое корыстолюбие, Анна Павловна! Просто мне нужны деньги до зарезу.

Анна Павловна. Нет, в самом деле? Вы не шутя говорите?

Гольцов. Плохие шутки! Если я не достану денег, я могу лишиться и службы, да и больше того, и чести.

Анна Павловна. Что вы говорите! Это ужасно. Но, послушайте, вы не беспокойтесь очень-то, не расстраивайте себя! Еще дело может поправиться. Только вы не говорите, ради бога, Верочке, не пугайте ее!

Гольцов. Что вы! Помилуйте! А можно мне их видеть-с?

Анна Павловна. Не знаю. Она сейчас только убежала в свою комнату и велела сказать вам, чтобы вы туда не ходили.

Гольцов. И сами не выдут-с?

Анна Павловна. Право, не могу вам сказать. Кто же ее знает!

Гольцов. Что я наделал! Ведь теперь Вера Павловна ни за что моей любви не поверит-с, как я ни уверяй. А я, Анна Павловна, ей-богу, влюблен, так влюблен, что я уж и не знаю как. Я давеча плакал все утро.

Анна Павловна. Вы думаете, что она вас разлюбила?

Гольцов. Что ж мудреного, после этакого случая.

Анна Павловна (с улыбкой). Да, конечно.

Гольцов. Ах, боже мой! Желал ли я когда обидеть Веру Павловну! А вот что вышло!

Анна Павловна. Вы говорили с папенькой о Верочке?

Гольцов. Как же-с! Об чем же мне говорить-то!

Анна Павловна. Что ж он?

Гольцов. Он-то ничего-с. Обнадеживал очень. «Поди, говорит, скажи Верочке, что я приказал ей с тобой помириться».

Анна Павловна (смеясь). Ну так чего же вам бояться?

Гольцов. Все-таки-с...

Анна Павловна (громко). Верочка!

Верочка за сценой: «Что тебе?»

Поди сюда!

Верочка за сценой: «Зачем?»

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Папенька приказал тебе помириться с Александром Петровичем.

Верочка за сценой: «Хорошо, я сейчас приду!»

Гольцов. Вы меня поддержите!

Анна Павловна. Нет, я вас оставлю вдвоем. Это, мне кажется, лучше будет.

Гольцов. Нет, что вы! Помилуйте!

Анна Павловна. А еще жених! Бойтесь с невестой остаться!

Верочка входит.

Ты слышала, что папенька приказал? (Гольцову.) Ну, вот мы и посмотрим, как она не послушает отца. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гольцов и Верочка.

Гольцов. Простите меня, Вера Павловна!

Верочка. Я не могу вас не простить.

Гольцов. Отчего же-с?

Верочка. Так папаше угодно.

Гольцов. Только потому-с?

Верочка. Разумеется. Я бы и не вышла к вам ни за что на свете.

Гольцов. В этом радости для меня не много-с. Я бы желал знать, что вы сами обо мне думаете-с.

Верочка. Что вы ко мне пристааете!

Гольцов (хочет взять руку). Позвольте-с!

Верочка. Это что еще?

Гольцов. Ручку поцеловать.

Верочка. С чего это вы выдумали!

Гольцов. Ведь уж вы меня простили?

Верочка. Да, я вас простила, а руки не дам.

Гольцов. И вы долго будете сердиться-с?

Верочка. Долго! Вот новости! Всю жизнь.

Гольцов. Да помилуйте, как же это можно-с, когда вы...

Верочка. Что я?

Гольцов. Да как же, вы изволили обещать-с...

Верочка. Что такое?

Гольцов. Да вчера изволили... быть столько добры-с... за меня замуж...

Верочка. За вас замуж? Кто же это вам сказал?

Гольцов. Да и Павел Прохорыч говорит-с...

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Верочка. Папаша может мне приказать помириться с вами, а этого не может.

Гольцов. Значит, мне нельзя никакой и надежды иметь?

Верочка. Никакой.

Гольцов. Извините, что я вас побеспокоил. Делать мне здесь нечего-с. Прощайте-с!

Молчание.

Честь имею кланяться. (Хочет идти.)

Верочка. Послушайте, куда же вы?

Гольцов. Домой-с. Засвидетельствуйте мое почтение Павлу Прохоровичу. (Идет к двери.)

Верочка. Не ходите!

Гольцов (в дверях). Помилуйте, Вера Павловна! Что же мне здесь оставаться! Только одно мучение.

Верочка. Если вы уйдете, я так рассержусь, так рассержусь, что...

Гольцов. Ведь уж как ни сердитесь, хуже этого для меня не будет-с. Чего же еще! Вы даже и надежды не позволяете иметь.

Верочка. Еще бы позволить! Нет, вы вот что скажите: если вы уйдете теперь, вы уж никогда больше не придете?

Гольцов. Зачем же я пойду, рассудите сами-с.

Верочка. Так никогда?

Гольцов. Никогда-с.

Верочка. Ну и прекрасно! И не надо вас! Не приходите! Прощайте!

Гольцов. Прощайте! Бог с вами!

Верочка. Прощайте! (Вырывает у Гольцова шляпу.) Уходите! Что ж вы нейдете?

Гольцов. Что ж это за насмешки-с! Пожалуйте шляпу-с!

Верочка. Нет уж, теперь не отдам. (Прячет шляпу за себя.)

Гольцов. Ах, позвольте! Изломаете, право изломаете.

Верочка. Ни за что, ни за что не отдам! Ну, уж возьмите! (Гольцов протягивет руку, она прячет шляпу.)

Гольцов. Вы уж лучше простите меня; помиримтесь как следует, тогда я сам останусь.

Верочка. Отымите у меня шляпу, тогда помирюсь.

Гольцов. Ведь захочу, так отниму-с.

Верочка. Попробуйте!

Гольцов. Извольте! (Обхватывает руками Верочку, она сопротивляется, он ее целует.)

Верочка. Это что еще! (Топает ногой.) Кто вам позволил? Вы хотите, чтоб я вас прогнала?

Гольцов. Виноват-с! Пожалуйте шляпу, я сам уйду.

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Верочка. Возьмите! (Отдает шляпу.)

Гольцов. Прощайте! (Идет к дверям.)

Верочка (тихо). Саша!

Гольцов. Что вам угодно-с?

Верочка. Что вы воротились? Я совсем вас не звала. Это я про себя.

Гольцов. Извините-с! (Уходит.)

Верочка (кричит все громче и громче). Саша! Саша! Саша! Ах, какой противный! Он, пожалуй, в самом деле уйдет. (У окна.) Саша! Саша, воротись! Воротился, воротился! (Прыгает от радости.)

Гольцов входит.

Ты, Саша, такой... такой... нехороший! Ты не стоишь, чтоб тебя любили! Ты хотел уйти и никогда не приходить. И выходит, что ты злой, а я добрая.

Гольцов. Значит, вы меня совсем прощаете?

Верочка. Совсем.

Гольцов. И я опять смею называть вас Верочкой?

Верочка. Нет, не смеешь. Ну, да называй, пожалуй.

Гольцов. И ручку поцеловать можно?

Верочка. Можно. На! (Протягивает ему руку.)

Гольцов (целует руку). Мы уж, Верочка, об этой ссоре и поминать не будем.

Верочка. Не будем.

Гольцов. И замуж, Верочка, пойдешь за меня?

Верочка. Пойду. Только ты не уходи.

Гольцов целует руку. Входит Анна Павловна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гольцов, Верочка и Анна Павловна.

Анна Павловна. Целуйтесь, целуйтесь, я не помешаю. Это лучше, чем ссориться.

Гольцов. Уж теперь кончено-с.

Анна Павловна. Ну и прекрасно!

Верочка. Он теперь опять мой жених.

Анна Павловна. Очень рада твоей радости.

Верочка. А вот калитка стукнула, должно быть папаша.

Анна Павловна (взглянув в окно). Он и есть.

Гольцов. Не денег ли несет! Вот бы счастливый-то день для меня.

Анна Павловна. Должно быть, что-нибудь есть; что-то он очень весел.

Входит Оброшенов, дочери целуют его.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Оброшенов, Гольцов, Анна Павловна и Верочка.

Оброшенов (гладит дочерей по головам). Ну, козы, прыгайте!

Верочка. Зачем, папаша?

Оброшенов. От радости. Я бы и сам прыгал, да ноги устарели. (Оглядывая всех.) Ах, дурочки вы мои, дурочки! Право, дурочки!

Верочка. Папаша, за что ты бранишься?

Оброшенов. Нет, он-то, он-то! Плачет; несчастье, говорит; чужие деньги затратил. Ха-ха-ха, хи-хи!

Анна Павловна. Папенька, я вижу, вы денег достали?

Оброшенов. Нет, что он-то, Аннушка, говорит! Погибаю, говорит, из суда выгонят! Ах чудак, чудак!

Гольцов. Да вы говорите! Достали, что ли?

Оброшенов. Голенький ох, а за голеньким бог! Никогда не отчаявайся! Помни: голенький ох, а за голеньким бог.

Гольцов. Значит, достали?

Оброшенов. Еще бы! Я-то не достану! Ах ты, Саша, Саша! Кто ж и достанет, как не я!

Гольцов. Много ли?

Оброшенов. На всех хватит. Еще дом купим; лошадей тебе пару куплю.

Верочка. Откуда же это, папаша?

Оброшенов. Много будешь знать, скоро состареешься.

Анна Павловна. Разве ты не видишь, папенька шутит.

Оброшенов. Шучу? Нет, уж будет шутить! Что? Удивил вас? Удивил? Погодите, еще так ли вас удивлю! Вицмундир мне надо, Аннушка. Там он?

Верочка. На что вам, папаша, вицмундир?

Оброшенов. Еду, еду! Нельзя в этом ехать, неприлично.

Верочка. А обедать?

Оброшенов. Какой теперь обед! Пойдет ли на ум! Надо скорей ехать! Скорей объявить... (Вынимает из кармана конверт, завернутый в платок, кладет его на стол и накрывает шляпой.) Шш! Шш! Никто! Пальцем никто! Слышите! (Уходит.)

Анна Павловна. Что ж это такое? Я ничего не понимаю.

Верочка. Саша, что это такое? Что там под шляпой?

Гольцов. Не знаю. Должно быть, нашел на дороге деньги. Хочет поехать объявить и получить третью часть.

Входит Оброшенов.

Оброшенов (снимая шляпу и вынимая из платка конверт). Ах, дурачки вы мои, дурачки! Много тут денег, много! Вы столько никогда и не видывали. Вот они! Ну-ка, посмотрите! (Читает.) «Со вложением шестидесяти тысяч банковыми

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru билетами». Может быть, тут есть билетик в двадцать тысяч на имя неизвестного. Вот его-то мне и пожалуйста. Третья часть! Имею право... по закону могу требовать. Видишь ты, конверт подрезан! Это всегда так. Вот и поглядим! (Осторожно вынимает из конверта газеты.) Это не то. Ишь ты, завернули в бумагу для осторожности. (Вертит газетную бумагу.) Где же тут? Где же? На пол как не упали ли? Поглядите хорошенько! А! Да!... (Ударяет себя по лбу.) А еще старик! Осторожный человек! Это я, Аннушка, конверт-то вот так... вот этой стороной... в карман-то... понимаешь ты? Тут разрезано... вот они и вывалились туда... в карман-то. Они там... в сертуке... в кармане-то, в боковом-то... Понимаете вы? Ну да, там, там! А то где же им быть-то? ну где же им быть-то? Ну, рассудите! Вот сейчас пойду и принесу вам... принесу вам. Экой я! Экой я неосторожный! Сейчас сюда принесу, и положим... положим в конверт-то. (Уходит.)

Гольцов рассматривает газетную бумагу, на стол выпадает записка. Оброшенов возвращается, отталкивает Гольцова.

Что я там ищу! Они тут.

Гольцов. Тут нет, уж вы искали.

Оброшенов (растерявшись). Где ж они? Неужели я потерял? (Хватается рукой за голову.) Вспомнил, вспомнил! Вынимал я конверт дорогой-то, любовался все на печати, тут и потерял. Чужие деньги! Шестьдесят тысяч! Побежим, Саша! Может, еще никто не поднял. Спрашивать будем, не поднимал ли кто? Шестьдесят тысяч! (Плачет.)

Гольцов (взяв со стола записку). Тут денег и не было. Вот и записка безграмотная: «Не ганис за чужим добром!»

Оброшенов (смотрит записку). О, боже мой! Как над мальчишкой насмеялись! Над стариком-то! Над родительским чувством насмеялись! Да нет! Вы все лжете! Этак не шутят. Таких шуток не бывает! Какая это записка! Это вздор! Тут ничего и не написано! Шестьдесят ведь тысяч! Шестьдесят тысяч! Они там! Там в кармане... за подкладку как-нибудь завалились. (Идет шатаясь в другую комнату, за ним дочери; Верочка сейчас же возвращается.)

Верочка (падает на шею Гольцову). Ах, папаша! Что с ним? Ему дурно!

Анна Павловна входит.

Анна Павловна. Бегите за доктором! Я боюсь, что он помешается. Не оставьте нас в несчастьи, Александр Петрович! Верочка может сиротой остаться. Вы свое горе забудьте! Денег я вам достану, выпрошу у Хрюкова. Какого бы мне это унижения ни стоило, а уж выпрошу. (Уходит.)

Верочка. Беги, Саша, за доктором, беги!

Гольцов уходит.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

Оброшенов.

Анна Павловна.

Верочка.

Гольцов.

Хрюков.

Улита Прохорова.

Молодец от Хрюкова.

Комната третьего действия.

Анна Павловна и Улита Прохоровна (выходят из боковой двери).

Улита Прохоровна. Ишь ты какие шутки глупые! Нечего им делать-то, вот они и озорничают. Еще слава богу, что так обошлось. Долго ли старику совсем с ума свихнуться!

Анна Павловна. Да, мы вчера очень боялись. После припадка он заснул, и с ним сильный бред сделался. Впрочем, доктор сказал, что опасности нет никакой, что ему нужно только денька два успокоиться.

Улита Прохоровна. Ну, а сегодня-то он что?

Анна Павловна. Ничего. Поутру гулять ходил, теперь прилег заснуть.

Улита Прохоровна. Да, вот тоже и со мной тогда такую же штуку сделали! Уж я их ругала-ругала; да стыда-то у них нет в глазах, так им все равно.

Анна Павловна. Что ж вы, тетенька, так скоро ушли от Хрюковых? Что не погостили?

Улита Прохоровна. Аль я вам надоела?

Анна Павловна. Нет, тетенька! Я так спрашиваю.

Улита Прохоровна. Ушла я от безобразия от ихнего! Там теперь не то что посторонним, и своим-то приходится бежать из дому. Старик сыновей гонит; дом хочет заново отделявать, чтоб ему одному жить.

Анна Павловна. Зачем же?

Улита Прохоровна. Говорят, жениться хочет.

Анна Павловна. В шестьдесят-то лет?

Улита Прохоровна. Да разве для них закон какой писан! Что чудней, то и делают. Спальню да женину уборную штофом да бархатом обивает, на окна кружевных занавесок накупил.

Анна Павловна. Кто ж за него пойдет?

Улита Прохоровна. Пойтить-то пойдут. Которая за деньги, а другую сиротку и так отдадут, не спросясь. Сыновья теперь по квартирам разъезжаются. Срам! Из своего-то дома! Я старику говорила: «Жила я в княжеских и в графских домах, нигде такого безобразия не видала».

Анна Павловна. Что же он?

Улита Прохоровна. Известно, что. Обругал как нельзя хуже. Чего ж от него ждать-то!

Анна Павловна. Интересно бы узнать, кто его невеста.

Улита Прохоровна. Как же, узнаешь! Он прескрытый старичишка! Его мыслей никто не знает. Уж такой хитрый. Ну, я теперь пойду.

Анна Павловна. Куда же вы? Посидите!

Улита Прохоровна. Ну вот еще! Я вас и так часто вижу. Пойду где-нибудь в чужих людях пообедаю; все-таки вам расходу меньше. А коли хорошо примут, так и погощу. Вон к вам Хрюков идет. Какого ему еще рожна нужно! Я с ним и встречаться-то не хочу, я через кухню пройду. Прощай!

Анна Павловна. Прощайте, тетенька!

Улита Прохоровна уходит в боковую дверь, входит Хрюков.

Анна Павловна и Хрюков.

Хрюков. Здравствуй, душа моя!

Анна Павловна. Здравствуйте! Садитесь!

Хрюков. И без просьбы твоей сяду. Ты думаешь, буду стоять перед тобой? Уж это много чести для тебя. (Садится.) А что ж крапивное-то семя вчера не приходил? ведь я ему приказывал.

Анна Павловна. Папенька нездоров.

Хрюков. С перепою, должно быть?

Анна Павловна. Как вам не стыдно! что вы говорите!

Хрюков. То и говорю, что знаю. Уж есть ли таких пьяниц, как стракулистов! В самом деле, что ль, болен?

Анна Павловна. Теперь поправляется.

Хрюков. А кляузы строчить может?

Анна Павловна. Он спит теперь. Как проснется, тогда с самим поговорите.

Хрюков. Ну что ж, этот, как его? Жених-то ваш? Нашел денег?

Анна Павловна (печально). Нет.

Хрюков. И вы-то хороши! Отдаете за голоногого за какого-то! Польстились, что молод. Вы бы лучше хоть постарше, да попрстойнее искали.

Анна Павловна. Нам и этот хорош.

Хрюков. Сядет он на вашу шею. Еще наплачетесь с ним.

Анна Павловна. Там что бог даст. Уж это дело решенное.

Хрюков. Зять-то бы кормить должен семью, а тут ему денег подавай. И пойдете побираться по знакомым, занимать у того и у другого.

Анна Павловна. Они будут совсем обеспечены; папенька им дом купил.

Хрюков. Слышал я, слышал. У меня ж денег-то брали. Уж и дом! Стань к лесу задом, ко мне передом.

Анна Павловна. По деньгам и дом.

Хрюков. Разумеется. Не каменные же палаты вам на две-то тысячи купить!

Анна Павловна. И две-то тысячи насилу набрали. Теперь бы нам только триста рублей на короткое время призанять.

Хрюков. Знаю я это короткое-то время. Дай я вам теперь триста рублей – через неделю еще столько же просить придете, а то так и больше.

Анна Павловна. Не придем. И эти деньги возвратим вам с благодарностию. Я вам ручаюсь за это.

Хрюков. Ты ручаешься? А что с тебя взять-то?

Анна Павловна. Я вам словом ручаюсь.

Хрюков. А что из твоего слова сделаешь? шубу не сошьешь. Да оно отчего бы не дать! Деньги не велики. Кабы вы только могли чувствовать.

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Анна Павловна. Что это значит? Как чувствовать?

Хрюков. Так и чувствовать. Уважать своих благодетелей; вот как чувствовать.

Анна Павловна. Мы вас и уважаем и будем уважать.

Хрюков. А вот посмотрю я! (Подходит. Гладит по голове Анну Павловну.) Ишь ты как гладко причесана: волосок к волоску! Так много ли ж тебе денег-то нужно?

Анна Павловна. Триста рублей.

Хрюков. А двести нельзя?

Анна Павловна. Нет, нельзя.

Хрюков. Двухсот не возьмешь?

Анна Павловна. Возьму, только еще сто рублей надобно занимать будет.

Хрюков. Уж так будто нужно ровно триста, ни копейки меньше?

Анна Павловна. Нужно ровно.

Хрюков. Ну, а ежели я дам двести девяносто?

Анна Павловна. Сколько бы ни дали, мы будем вам благодарны. Только мне нужно ровно триста.

Хрюков. Уж так в обрез? Чудно что-то! (Смеется.) Каприз!

Анна Павловна. Ничуть не каприз.

Хрюков. Ну да что ж! Я и каприз твой уважу. (Вынимает бумажник.) Вот они деньги-то! Хочешь, все отдам?

Анна Павловна. Не нужно мне.

Хрюков. Что больно горда! Другая бы взяла, право взяла. Есть такие. Да и ты глупа, что не берешь. Могу жертвовать. Эй, бери, а то спрячу!

Анна Павловна. Вы мне дайте только то, что я прошу у вас.

Хрюков. На, возьми сама, сколько нужно. (Подает бумажник.)

Анна Павловна. Нет, зачем! Вы сами дайте.

Хрюков. Триста ?

Анна Павловна. Триста.

Хрюков. Я могу тебе и больше дать.

Анна Павловна. Ни больше, ни меньше.

Хрюков. Ну, право, возьми! Чего боишься? Я никому не скажу. Сколько хочешь бери. Хочешь пятьсот – пятьсот бери. Я денег не жалею; а для тебя хошь все отдам.

Анна Павловна. Мне нужно только триста!

Хрюков. Триста да триста! наладила! (Кладет деньги на стол.) Ну, на тебе твои триста! Я с тебя и расписки не беру!

Анна Павловна (встает и кланяется). Вы меня так одолжили, Филимон Протасьич, что я и не знаю, как благодарить вас! Вы будьте уверены, что при первой возможности мы вам заплатим.

Хрюков. Что мне, крайность, что ли, в деньгах-то! Хошь и не заплатишь – не разорюсь.

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Анна Павловна. Вы, конечно, не разоритесь, да мы-то должны отдать долг.

Хрюков. А может, я прощу.

Анна Павловна. Вы нас обидите.

Хрюков. Все ты не то толкуешь! Вот видишь ты, я на деньги все могу иметь и все имел, то есть всякое удовольствие, и любили меня всякие красавицы, да всё из такого круга, что образования никакого нет, ну и скромности. Чтобы по-благородному вести себя, так не умеют. А мне надо, чтоб по-благородному, потому это самое необразование мне надоело.

Анна Павловна. Не понимаю я вас.

Хрюков (тихо). Чего тут не понимать-то! Ну, просто тебе говорю, осыплю тебя золотом, да и все тут.

Анна Павловна. Что такое?

Хрюков. Да ты тише, а то отца разбудишь.

Анна Павловна. Что вы говорите?

Хрюков. А вот что! Ты мне понравилась. Если ты меня полюбишь, так я всему вашему семейству могу благодетелем быть. В экономки ко мне хочешь?

Анна Павловна. Как вы смеете такие вещи говорить!

Хрюков. Тише, я тебе говорю! Что шумишь? Услышит кто-нибудь. И этих денег с вас не потребую и еще дам, сколько хочешь. Вот он, бумажник-то, со мной!

Анна Павловна (бросает деньги). Возьмите ваши деньги и ступайте вон!

Хрюков (поднимает деньги). Что ты бросаешь? – ведь это не щепки. Что ты развевалась!

Анна Павловна. Подите вон, я вам говорю!

Хрюков. Постой! Разве я тебя чем обидел? Я тебе обидного не сказал. На все это есть твоя воля: хочешь – ладно; не хочешь, так и скажи: тебя никто не принуждает. За что ж тут обижаться!

Входит Оброшенов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анна Павловна, Хрюков и Оброшенов.

Оброшенов. Аннушка, что с тобой? Что с тобой, моя милая?

Анна Павловна. Папенька, прикажите ему уйти. Можно ли переносить, что он говорит! Я уйду, я не могу видеть его!

Оброшенов. погоди, погоди! Благодетель мой! За что же девушку-то обижать? Ну я таковский, уж надо мной бы над одним и тешили свою душу. А она к этому непривычна: я их берег, лелеял, обижать никому не позволял.

Хрюков. Что ты ее слушаешь! Она врет. Я ей ничего обидного не сказал. Вольно ей горячиться-то! Ишь она какая сердитая у тебя!

Оброшенов. Уж даром она, благодетель мой, Филимон Протасыч, не рассердится. А вы вот что! Попросите у ней извинения за невежество, ручку поцелуйте, как следует у барышни, она вас и простит по своей ангельской доброте. Хе-хе-хе! Так ведь я говорю, Аннушка?

Хрюков. Ручку поцелуйте! Выдумывай еще! Ты слушай, старая тетеря! Мои резонты

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
слушай! Должен ты мне много! Теперь она еще просит триста рублей. Что ж, у меня для вас яма бездонная, что ли, денег-то приготовлена?

Оброшенов. Так не давайте! А зачем обижать-то?

Хрюков. Не давайте! А я вот хочу дать. Да ты слушай! Девушка она в годах, замуж не пойдет, поведенья скромного; а мне это и нужно. Пусть переезжает ко мне в экономки. Обиды ей не будет, и вам всем будет хорошо.

Анна Павловна. Ну, вот слышите, папенька, что он говорит. Можно это слушать равнодушно? (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Оброшенов и Хрюков.

Оброшенов. Не ждал я, Филимон Протасьич, от вас, от благодетеля, такого сраму на свою седую голову.

Хрюков. Какой тут страм! Мне страм, что я с вами связался. Я ей добра желал, а она обиделась; еще, пожалуй, рассказывать будет. Значит, разговор пойдет, и будет страм для меня, а не для вас. Про меня пойдет мараль; а вам что?

Оброшенов. А если про нас будут говорить, значит, вам до этого дела нет!

Хрюков. Сравнял ты себя со мной! Вы люди ничтожные! Про тебя с дочерьми с твоими как хочешь дурно разговаривай, так в этом важности ровно никакой нет. Потому цена вам всем грош. А я человек известный. Понял ты?

Оброшенов. Мне цена грош, я и не спорю; а дочерей моих я не позволю обидеть ни за миллионы. Тебе честь дорога, а мне дороже твоего.

Хрюков. Что за честь, коли нечего есть! Видимая твоя бедность или нет? Всякому видимая. Я тебе ж, убогому, помочь хотел; ты бы должен это почувствовать! А велика важность, что про твою дочь поговорят дурно. Поговорят, да и перестанут.

Оброшенов. Я чести своей не продавал; слышишь ты, не продавал!

Хрюков. Да что за бесчестье, что дочь твоя будет жить в моем доме? Разве только скажут, что она любовница моя. Так и то не беда. Всякий умный человек рассудит, что она это от бедности.

Оброшенов. Молчи! Задушу! Молчи! Ты этого от меня еще не слыхивал, так вот слушай теперь! Ты думал, что я шут! Ну да, я шут и есть, только за дочерей убью, всякого убью! (Хватает стул.)

Хрюков. Скотина не узнала своего господина. Что ты, повредился, что ли? Ты мне деньги-то отдай, которые забрал.

Оброшенов. Отдам, отдам...

Хрюков. А за грубость я тебя в сибирку посажу.

Оброшенов. Я сам с тебя бесчестье потребую, а за дочь по закону вчетверо заплатишь.

Хрюков. Держи карман-то! Свидетелев не было. Ты деньги-то принеси! (Уходит.)

Оброшенов (вслед ему). Принесу, завтра же принесу.

Входят Анна Павловна и Верочка.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Оброшенов, Анна Павловна и Верочка.

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Анна Павловна. Папенька, успокойтесь! Не расстроивайте себя.

Верочка. Ты, папаша, опять захвораешь.

Оброшенов (в изнеможении садится на стул). Ах ты, анафема! Нет, теперь хворать нельзя, некогда. Захворай теперь, так с голоду умрешь. Надо сейчас денег доставать. Саше нужно, да этому лешему отдать. Вот отдохну и побегу.

Анна Павловна. Куда вы, папенька, пойдете? Вы так слабы. Вы у кого хотите просить денег-то? Вы лучше напишите ему записочку, я снесу.

Оброшенов. Что ты! Можно ли это? Позволю я тебе идти милостыню просить! Чтоб опять такая же история вышла.

Верочка. Саша сходит.

Оброшенов. И ему нельзя, стыдно – он молодой человек. А мне ничего не стыдно; у меня уж давно стыда нет. Я бы теперь украл для вас и не постыдился бы. Пуще всего надо Хрюкову отдать. А то после этой ссоры он меня со свету сживет.

Анна Павловна. Много вы ему должны, папенька?

Оброшенов. Много. Не разделаться всю жизнь. Все по распискам; уж некоторым и срок вышел. Надо его укланять как-нибудь, чтобы, вместо денег, хоть документ взял на год сроком. Будем выплачивать понемногу.

Анна Павловна. Вот несчастье-то!

Оброшенов. Пугнул я его, а теперь уж и самому страшно. Кругом я обязан человеку, пропасть должен, – и вдруг выгнал из дому, убить хотел. Кого? Благодетеля своего.

Анна Павловна. Он, папенька, стоил этого.

Оброшенов. Стоил-то стоил. Его б отсюда не в дверь, а в окно надо было проводить! Да то-то вот, Аннушка, душа-то у меня коротка. Давеча погорячился, поступил с ним, как следует благородному человеку, а теперь вот и струсил. Бедность-то нас изуродовала. Тебя оскорбляют, ругаются над детьми твоими, а ты гнись да гнись да кланяйся. Покипит сердце-то, покипит, да и перестанет. Вот что я сделал дурного? Вступился за дочь, выгнал невежу вон. Что ж бы я был за отец, если б этого не сделал? Кто ж допустит такое нахальство в своем доме? Стало быть, я хорошо сделал, что прогнал его; а у меня вот от страху ноги трясутся. Вот так и жду, что он пришлет за мной. А ведь надо будет идти; упрямитесь-то нельзя; надо будет кланяться, чтоб пообождал немного. А сколько брани-то я от него услышу! Как в глаза позорить-то станет! А мне и языком пошевелить нельзя. Нагни голову да слушай! Уж он теперь дома, – далёко ль ему, только через улицу перейти. Пришлет! Чувствует мое сердце, что пришлет!

Входит молодец от Хрюкова.

Ты зачем?

Молодец. Филимон Протасьич приказали вам сейчас прийти к ним.

Оброшенов. Зачем?

Молодец. Это, выходит, я не знаю; а только приказывали, чтоб сейчас.

Оброшенов. Что ж! Надо идти. Право, лучше идти. Скажи, что сейчас буду.

Молодец уходит.

Подай шляпу!

Верочка подает.

Пойду!

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Входит Гольцов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Оброшенов, Анна Павловна, Верочка и Гольцов.

Оброшенов. Вот, Саша, беда у нас, право беда!

Гольцов (не слушая). Денег не достали-с?

Оброшенов. Какие тебе деньги! С меня с самого долг тянут. Вот сейчас иду умаливать, чтоб подождали.

Гольцов (схватывается за голову). Ах, боже мой!

Оброшенов. Что ты, Саша, что ты?

Гольцов. Сейчас письмо получил-с.

Оброшенов. Какое?

Гольцов (тихо). Этот помещик, чьи я деньги затратил, через два дни будет в Москве.

Оброшенов. Ничего, Саша, ничего! Не тужи! Вот я сбегаю по своему делу, а ты тут подожди меня, поболтай! Старайся не думать! Забудь об этом! А я ворочусь, потолкуем: может быть, что и придумаем. Ну, прощайте! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Анна Павловна, Верочка и Гольцов.

Верочка (целуя Гольцова). Здравствуй, Саша! Ты уж и не видишь меня.

Гольцов. Здравствуй, Верочка! Извини! Что же, Анна Павловна?

Анна Павловна. У меня сейчас в руках были триста рублей, да я их сама назад отдала.

Гольцов. Что же вы сделали! Ведь я погибаю.

Анна Павловна. А вы бы послушали, с каким гнусным предложением мне их давали!

Гольцов. Неужели-с? Ну, разумеется, взять нельзя-с. Кто же это?

Анна Павловна. Старик Хрюков.

Гольцов. Вы бы ему в лицо их бросили!

Анна Павловна. Я так и сделала.

Верочка. Что такое вы про Хрюкова говорите? Я не понимаю ничего.

Анна Павловна. Нечего тебе и понимать-то, душа моя.

Верочка. Что он такое обидное тебе сказал? Папенька рассердился, ты тоже.

Анна Павловна. Совсем не нужно тебе знать этого, Верочка.

Верочка. Сестрица, голубушка, скажи!

Анна Павловна. Ну, изволь! Он хотел, чтоб я пошла к нему в экономки.

Верочка. Ах, сестрица! Как же он смел! Ведь это все равно что в услужение идти и жалованье от него получать?

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Анна Павловна. Ну да, да!

Верочка. За дело его папенька прогнал.

Анна Павловна. Так вот, Александр Петрович! А мы ему должны очень много; он теперь деньги требует. Вот какое положение.

Гольцов (тихо). А мое-то положение! Знаете ли, я давеча было за бритву ухватился.

Анна Павловна. Что вы! Что вы! А Верочка-то?

Гольцов. Только она-с, а то бы кончено дело.

Анна Павловна. Что вы! Страшно слушать.

Гольцов. А каково мне будет, как выгонят из суда, да осрамят на всю Москву, да судить будут, как вора!

Верочка. Что вы шепчетесь! Должно быть, что-нибудь нехорошо, что вы шепчетесь?

Анна Павловна. Ты сама знаешь, что дела наши очень плохи.

Верочка (хватаясь за Гольцова). А он! С ним ничего не будет? Он с нами останется?

Гольцов (закрывая лицо руками). Я не знаю, Верочка, где я буду.

Верочка (кидается ему на шею). Саша! Саша!

Голос Оброшенова за сценой: «Молитесь богу! Молитесь богу!» Вбегает.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Анна Павловна, Верочка, Гольцов и Оброшенов.

Оброшенов. Молитесь богу! Молитесь богу!

Анна Павловна. Что вы, папенька?

Оброшенов. Аннушка! Аннушка! (Гольцову и Верочке.) Вы! Становитесь! Оба становитесь на колени! И я стану. (Хочет становиться на колени.)

Анна Павловна. Папенька, что вы делаете?

Оброшенов. Ты наша спасительница! Ты! Нет, еще не все! Что же я обрадовался! Еще не все. Нет, я стану перед тобой на колени.

Анна Павловна. Ах, папенька! Что вы это! Зачем?

Оброшенов. Просить тебя, просить великое дело для нас сделать. И вы становитесь! Вот она! Она одна может.

Анна Павловна. Я ничего не понимаю.

Оброшенов. Нет, я стану... Это стоит, чтоб стать на колени. Злодей твой не станет того просить, что отец просить будет.

Анна Павловна. Вы меня пугаете.

Оброшенов. Будь тверже, Аннушка, будь тверже! Хрюков просит руки твоей и двадцать тысяч на приданое дает! Падайте! Аннушка! Падаем, падаем к ногам твоим! (Хочет стать на колени.)

Анна Павловна (удерживает его). И вы думаете, что я откажусь? Вы боитесь, папенька? Нет. Вы больны, вы стары: вам нужен покой. А вы для нас работаете, убиваете последние силы... Я буду иметь возможность ходить за вами, покоить вас,

Шутники. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru баловать, как малого ребенка... и вы подумали, что я откажусь от этого! (Обнимает Верочку.) И ее, мою куклу, я могу рядить, во что мне захочется, могу ее тешить, доставлять ей удовольствия... И я откажусь! Папенька, что вы! Я умереть для вас готова, только бы вы были счастливы!

Оброшенов. Да, да, да! Я так и знал. Вот она дочь-то какая! Вот с такими дочерьми хорошо жить на свете! Ну, спасибо тебе! Спасибо! (Целует ее.) Вот я здоров и весел. Я и плясать буду на твоей свадьбе.

Верочка. А что ж он давеча-то говорил: в экономки?

Оброшенов. Да, да! Я его бранил за это. Ужас как бранил! А он говорит: я шутил, я только испытать хотел. Я, говорит, уж давно жениться задумал за непочтение детей. И много невест смотрел, да все не по сердцу; а твоя по сердцу пришла. А это, говорит, я шутил, шутил; пусть не сердится: я шутил с ней.

Верочка. Что это с нами все шутят?

Анна Павловна. А вот, Верочка, будем жить богато да весело, а главное, не будем ни в ком нуждаться, так перестанут над нами шутить.

Оброшенов. Перестанут, милые мои, родные мои, перестанут!

1864

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!